

ВІД РОМАНТИЗМУ ДО МОДЕРНІЗМУ: ПОЕТИКА ЖАНРІВ, РЕЦЕПЦІЯ КЛАСИЧНИХ ТРАДИЦІЙ, СУЧАСНЕ НАУКОВЕ БАЧЕННЯ

УДК 821.133.1»18»09

Т. Н. Жужгина-Аллахвердян
Национальный горный университет

РОМАНТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ И СОВРЕМЕННАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ РОМАНТИЗМА

У статті визначаються романтичні творчі методи та сучасна комплексна методологія вивчення міфопоетичної специфіки романтизму, проблем функціонування у романтичному тексті біблійних та античних архетипів, традиційної міфологічної символіки, домінант оніричного моделювання, особливостей міфопоетичної свідомості західноєвропейських письменників, способів літературної трансформації та перенесення в новий культурний та психологічний контекст старовинних міфів, священних змістів та міфологічної символіки.

Ключові слова: романтизм, міфотворчість, міфопоетика, символізм, архетип, оніричне моделювання, біблеїзми, текст, інтертекст, інтертекстуальність.

В статье рассматриваются романтические творческие методы и современная методология изучения романтизма, с помощью которой исследуются особенности мифопоэтического сознания романтиков, специфика творческого воображения и опыт переноса в новый культурный и психологический контекст романтически ассимилированных мифов, священных смыслов и мифологической символики.

Ключевые слова: романтизм, мифопоэтика, символизм, архетип, онірическое моделирование, библеизмы, архетип, текст, интертекст, интертекстуальность.

This article provides an analysis of the romantic mythopoetic and the modern methodology of study of romanticism. The main subjects of the research are peculiarities of intertextuality and functioning of biblical and ancient archetypes, as well as traditional mythological symbolism. The article focuses on the strategic features of assimilation of the antique mythopoetic symbolism, biblical intertextuality, exotism in the romantic poetry and oniric short novels.

Key words: methodology, romanticism, archetype, text, mythopoetics, symbol, biblical intertextuality.

Мифопоэтические и эстетические взгляды романтиков уже в 1820-е гг. имели большой общественный резонанс в Европе. Они не только формировали содержание полемики между представителями неоклассицизма и романтизма (так называемая «романтическая битва» во Франции), но коснулись почти всех сфер жизни – литературы, эстетики, философии, науки, медицины, истории, этнографии, искусств, театра, моды и быта. Изучение обозначенного круга проблем в контексте современной науки о романтической культуре и литературе позволяет глубже понять, с одной стороны, многоаспектную природу романтизма – эпохального явления культуры и социума, с другой – осмыслить силу его всестороннего воздействия на всю последующую мировую культуру, символизм, модернизм и постмодернизм, их мифопоэтику, дискурс, структуру образов и текста. Изучение культурной многоликости романтизма требует обоснованного комплексного подхода к романтизму как мощному и влиятельному культурно-философскому, интертекстуальному и одновременно герменевтическому феномену. Подспорьем для на-

учного осмысления мифопоэтики и герменевтики романтизма 1820-х гг., романтического символического текста являются литературные манифесты самих романтиков, работы мифологов, мифокритиков и философов XIX–XX вв., а также современные труды междисциплинарного содержания и значения. Комплексный метод исследования включает различные современные методики, эффективные при разностороннем изучении мифопоэтики и мифопоэтичности, интертекстуальной и метатекстуальной структур, неоднозначно ассимилированных европейской литературой в постромантический и модернистский периоды развития. Комплексная методологическая модель позволяет адекватно изучить стратегемы мышления романтиков, определить особенности мифопоэтической рефлексии и принципы творческого отбора интертекста, структуру романтической философско-психологической картины мира. С одной стороны, реконструкция архетипических структур, символики, культурных и литературных реминисценций, наполняющих романтические тексты, предполагает соотнесенность произведения с мифом и мифологией, фольклорными жанрами и прототипами [1; 8], с другой стороны, в процессе сопоставления, противопоставления, дифференциации и анализа интертекстового материала, требует отвлеченных логических приемов и методик, производных от психоаналитических методологий [10], философии [7; 9], мифокритики и культурологии [1; 4; 9].

Интертекстуальный метод особенно продуктивен в исследовании приемов романтической мифопоэтической аналитики, реформаторских приемов в процессе синтеза эпоса, лирики и драмы. Плодотворно предпочтение, отдаваемое символическому и мифопоэтическому подходам в традиции К. Г. Юнга и Г. Башляра [3], существенно поясняющим и дополняющим представление о системе мифопоэтических и понятийно-образных семантических универсалий, господствовавших в европейской литературе первых десятилетий XIX в. и получивших своеобразное развитие в литературе эпохи модерна.

Особые стратегические вопросы связаны с исследованием проблематики эгоцентризма и индивидуализма, романтического мифа о «естественном человеке», специфики поэтических медитаций и мифотворческой созерцательности в их зависимости от «чувственных» стихий, по аналитической схеме Г. Башляра, различных типов поэтического темперамента, породивших поэзию земли, воздуха, огня и воды. По этой же схеме плодотворно изучение мифопоэтической структуры системы библейских образов, обильно представленной в романтизме [2], исследовании мистико-символических аспектов мифопоэтики [5–6] и романтического дискурса, экзотической восточной проблематики, средневековой готики, фантастических доминант и техник онирического моделирования в контексте общеромантического интереса к мифологии, реконструкции мифа [1; 8]. В поле зрения французских романтиков была Библия, вопросы религии и христианства. Знаменитый французский романтик А. де Виньи в «Моисее», «Дочери Иевфая», «Потопе» использовал библейские архетипы при переосмыслении истории рода, индивида и надындивидуальной памяти. В. Гюго в цикле «Небесный Огонь» создал собственный гностический миф о карающем, но милосердном Боге, выдвинув на первый план космогоническую картину созидания и разрушения. Библизмы «Содом и Гоморра», «Божий гнев», «Огненное Облако», «Небесный Огонь» актуализированы как мифопоэтические структуры и взаимодействуют с «ориенталиями», окказиональными мифологемами и другими составляющими текстуально-смысловых парадигм теофании и древнейших цивилизаций. Первые новеллы Шарля Нодье предстают как интертекстуальные образования, в которых нашли воплощение формы измененного сознания. «Сон» был воспринят романтиками как культуuroобразующий фактор и художественный феномен [11], в основе которого лежит мистико-ироническое «откровение» в библейской и средневековой традициях, а также личный интерес автора к сложным

явлениям психики, глубинной памяти архаического мифа и психологии «ночных сторон» бытия и двойничества. Источником воображения для А. Бертрана послужили народные поверья и готические предания, в которых фантастическое предстало как способ постижения мира.

В поле зрения романтиков были историзмы и исторические экзотизмы, античный и средневековый хронотоп, иностранные и национальные сюжеты, экстравертные и интравертные психологемы. Во французском романтизме 1820-х гг. как экзотические восприняты «чужие», исторически удаленные испанские и итальянские темы и мотивы (Гюго, Мюссе), немецкий метатекст и интертекст мифологического и фольклорного содержания (Нерваль). Мифоинтертекстуальный анализ романтической «малой» прозы и поэзии позволяет внимательнее рассмотреть процесс зарождения авторских мифов, развития мифопоэтического контента и дискурса, обнаруживающего, с одной стороны, скрытый нарциссизм романтического происхождения, с другой – «магическую» способность романтиков [5] прогнозировать эпохальные трансформации. Воссоздавая конкретные творческие, мифопоэтические, эстетические и культурные экзистенции, часто в рамках литературно-философского диалога на стыке культурно-исторических эпох, романтики исходили из психобиографических параметров – личного опыта, семейных традиций, любви к античности, интересу к Средневековью, Возрождению, Платону и неоплатонизму, к вопросам религии, искусства и литературы [12]. Эти параметры определяли характер эстетизации гомерической древности, «скрашивания» и выравнивания мифологических параллелей по «эллинским меркам», идиллическим образцам, творческим моделям поэтов-предшественников (Гесснер, А. Шенье, Делиль и др.) Изучение романтических «малых» текстов с точки зрения функционирования в них мифа, символа и аллегии иллюстрирует тесное полифоническое взаимодействие романтизма с другими эпохами, цивилизациями, культурами. Разыскания в области средневековой истории и старой литературы привели французских романтиков 1820-х гг. к открытию «новых» авторов для «подражания», к моделированию исторического пространства в границах литературного повествования мифоподобной формы, повернутого к национальным и экзотическим легендарным и книжным сюжетам и коллизиям. В 1820-30-х гг. историзмы и экзотизмы, культурные «коды» христианского Средневековья, в стиле Шатобриана или В. Скотта, составили интертекстуальные парадигмы и субструктуры «история», «действительность», «легенда», «небылица», «сновидение». Скрашенные «психологизмами» национальные «формулы» и экзотический контент определили драматические конфликтные ситуации в соответствии с романтическими принципами историзации мифа и мифологизации истории, личности, межкультурных и межличностных отношений.

А. де Ламартин и Ш. О. Сент-Бев в своих лирических стихотворениях представили человека в его надындивидуальной бесприютности и как «существо, обреченное смерти», и как яркую индивидуальность, которой даровано счастье любить и отражаться в других существах, в природе, ее элементах, атомах и стихиях. Символические описания физических и «психических» состояний воды, реки, озера, моря, волны, воздуха, ветра, облаков, бури, туманности зеркально отразили различные оттенки человеческих чувств, составили основу эстетики воспоминания и лирических раздумий (*rêveries*). В суггестивном пространстве ламартиновских «медитаций» и в мифопоэтической рефлексии Сент-Бева автобиографические факты и идеалы объединились с символикой природы и «чувствительного сердца». Ламартин воссоединил миф о «сыне века» с мифом о поэте-демиурге и орфическом происхождении поэтической «души», Сент-Бев – с мистической инициацией «любви в смерти». В основе философско-религиозного диалога А. де Ламартина с иными культурами лежал внутренний конфликт, обусловленный вниманием поэта то к страстному байроническому, то к элегическому коду. Привер-

женность мифопоэтическим контрастам позволила совместить глубину страсти, пылкого энтузиазма с мягкой чувствительностью и поэтичностью.

Романтическая рецепция архетипических образов, примитивного сознания и психики человека древнего, идей, связанных прочными интертекстуальными узами с современностью, историей, этикой и религией, благоприятствовала проведению мифопоэтических параллелей и их герменевтическому толкованию. Литературные ретроспекции определили наличие в текстуально-смысловых парадигмах сходных кодов, с одной стороны, архетипических символов и аллегорий, диктуемых романтику его мифопоэтическим воображением, с другой – литературных аллюзий и реминисценций, архаизмов и неологизмов, зависящих от типа мифопоэтического мышления и метафорического языка автора, его диалога с конкретной культурной эпохой.

Библиографические ссылки

1. *Albouy P.* La Création mythologique chez Victor Hugo / P. Albouy. – P. : Corti, 1963. – 340 p.; *Albouy P.* Mythes et mythologie dans la littérature française / P. Albouy. – P. : Armand Colin, 1969. – 340 p.
2. *Avni A. A.* The Bible and romanticism. The Old Testament in German and French romantic poetry / A. A. Avni // The Hague. – P. : Mouton, 1969. – 299 p.
3. *Bachelard G.* Poétique de la rêverie / G. Bachelard. – P. : Presses Universitaires de France, 1968. – 183 p.
4. *Barthes R.* Mythologies / R. Barthes. – P. : Seuil, 1957. – 272 p.
5. *Bénichou P.* Les Mages romantiques / P. Bénichou. – P. : Gallimard, 1988; *Romantismes français II.* – P. : Gallimard, «Quarto», 2004. – P. 1079 – 1227.
6. *Bénichou P.* Le Sacré de l'écrivain 1750–1830: Essai sur l'avènement d'un pouvoir spirituel laïque dans la France moderne / P. Bénichou, 4th edition (P. : Gallimard, 1996). – P. : Corti, 1973. – 484 p. / repris dans *Romantismes français I.* – P. : Gallimard, «Quarto», 2004. – P. 331–355.
7. *Brix M.* Le romantisme français: esthétique platonicienne et modernité littéraire / M. Brix. – Éditions Peeters, 1999. – 302 p.
8. *Cellier L.* L' épopée humanitaire et les grands mythes romantiques / L. Cellier. – P. : S.E.D.E.S., – 1971. – 370 p.
9. *Eliade M.* Mythes, rêves, mystères / M. Eliade. – P. : Gallimard, 1957. – 311 p.
10. *Jarry A.* Alfred de Vigny. Etapes et sens du geste littéraire. Lecture psychanalytique / A. Jarry. – Genève: Droz, 1998. – 365 p.
11. *Rieben P. A.* Délires romantiques: Musset, Naudier, Gautier, Hugo / P. A. Rieben. – P. : J. Corty, 1989. – 239 p.
12. *Viallaneix P.* Vigny par lui-même / P. Viallaneix // coll. Les écrivains de toujours, n° 69. – P. : Seuil, 1964. – 192 p.

Надійшла до редколегії 20.03.2014 р.

УДК 821. 111'0. 09

Г. А. Кіракосян

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

ТВОРЧИСТЬ Ч. Р. МЕТЬЮРИНА В ОЦІНКАХ ЗАРУБІЖНОГО І ВІТЧИЗНЯНОГО ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВА

Проаналізовано провідні дослідження, присвячені літературній спадщині Чарльза Роберта Метьюріна.

Ключові слова: Метьюрін, готика, романтизм, Мельмот Блукач, Бертрам, колоніальний досвід, легітимний театр.

© Г. А. Кіракосян, 2014